

А.А.Щелчков

«Свобода в равенстве или равенство в свободе»

Утопия Франсиско Бильбао

Статья посвящена чилийскому мыслителю и политику Франсиско Бильбао Баркину (1823—1865) — выдающемуся представителю латиноамериканского утопического христианского социализма и либерализма, крайнего антиклерикализма, одному из главных деятелей чилийского либерального возрождения, вызванного европейской революцией 1848 г. Возглавляя «Общество равенства» (1850), он способствовал разрушению клерикально-консервативного режима в Чили и его мирной либерально-демократической трансформации. Деятельность и идеи Бильбао содействовали активному включению народных масс в политику.

Ключевые слова: утопический социализм, Ламеннэ, Бильбао, либералы и консерваторы Чили, «Общество равенства», игуалитарии.

Чилийский мыслитель и политик Франсиско Бильбао Баркин (1823—1865) вошел в историю как мечтатель, романтик и утопист. Его идейное наследие стало составной частью целого направления общественной мысли и политической практики в Чили. И радикалы, и социалисты, и коммунисты записали Бильбао в ряды своих идейных предшественников. Его оригинальные идеи заслуженно завоевали ему место среди выдающихся латиноамериканских мыслителей XIX в.

Бильбао родился 9 января 1823 г. в Сантьяго в семье известного республиканца-либерала. После консервативного переворота 1829 г. его отец Рафаэль Бильбао вместе с семьей был вынужден отправиться в изгнание. Франсиско провел свою юность в Лиме. На формирование его личности большое влияние оказал друг отца, перуанский просветитель и пропагандист свободы и эгалитарной республики Паскуаль Куэвас, который был его наставником и учителем. Именно Куэвас впервые познакомил Бильбао с идеями выдающегося религиозного реформатора и революционера, основоположника христианского социа-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

лизма аббата Роббера Фелисите Ламеннэ¹. Идеи Ламеннэ сыграли фундаментальную роль в формировании взглядов Бильбао, который стал его верным приверженцем. Он перевел памфлет «Современное рабство» на испанский язык. Эта работа, как и «Книга народа», изданная в 1844 г. в Консепсьоне, взывала к чувствам милосердия и любви к пролетариату и ко всем обездоленным. Речь шла о милосердии, возведенном в ранг общественной политики, о социальной солидарности. Именно социальная солидарность должна была быть положена в основу общественных институтов². Война Чили с Перуанско-боливийской конфедерацией А.Санта-Круса изменила судьбу семьи Бильбао. Во время оккупации Лимы чилийскими войсками генерала М.Бульнеса главу семьи Бильбао (как чилийца) пригласили на службу, а после освобождения перуанской столицы войсками Санта-Круса он был арестован как коллаборационист и агент врага, а затем вместе с семьей выслан в Чили, где сразу был объявлен героем войны и патриотом.

В Сантьяго Ф.Бильбао учился в Национальном институте. Его учителями были Х.Х.Мора, А.Бельо и Х.В.Ластарриа. Бельо очень симпатизировал Бильбао и всегда выделял его среди других своих учеников за способности и яркий литературный дар. По утверждению Ластарриа, Бильбао увлекался историей и много времени посвящал ее изучению. Главными его учебниками тогда и на всю жизнь стали книги Ламеннэ.

В те годы в Чили проникали самые передовые идеи из Европы. Наибольшей популярностью пользовались произведения социальных романтиков В.Гюго, Э.Сюэ, Ж.Буше, П.Леру. Их работы были наполнены чувством христианского сострадания, в них проповедовались вера, религиозность без догм и культа. Постулаты христианства интерпретировались в духе социального утопизма. Христианство представало как религия угнетенных, а Христос — как народный вождь обездоленных. Так, известный историк, писатель А.Ламартин утверждал, что Евангелие — это доктрина демократии, а Леру высказывал мысль о том, что Нагорная проповедь содержит исключительно социалистические идеи. Бывший карбонарий и сенсимонист, он также заявлял: «Христос — самый великий экономист, а вне Христа не может существовать подлинной экономической науки»³.

1844 г. оказался поворотным в жизни Бильбао. На похоронах героя Войны за независимость, либерала Хосе Мигеля Инфанте он произнес пламенную речь, в которой защищал антиклерикальные и либеральные идеи Инфанте. После этого он сразу приобрел популярность среди либеральной молодежи. Однако подлинную известность принесла Бильбао напечатанная в 1844 г. в издаваемом либералом Х.В.Ластарриа журнале «El Crepúsculo» («Сумерки») большая работа «Sociabilidad chilena» («Чилийские нравы»). Публикация вызвала огромный скандал, судебное преследование и осуждение.

Эта работа вышла за год до «Цивилизации и варварства» Д.Ф.Сармьенто (1845) и повествовала практически о том же — о противостоянии политических и социальных реалий чилийского общества. Однако категорические выводы, сделанные Бильбао под влиянием Ламеннэ, выраженные

в пророческом, апокалиптическом стиле, имитирующем его французского учителя, а также антикатолический пафос публикации спровоцировали резкую реакцию консервативно-клерикальных кругов, и даже большинство либералов поспешили ее осудить. Сам Бильбао оценивал свой труд как анализ прошлого и программу его разрушения⁴.

Власти обвинили его в богохульстве и организовали публичное сожжение экземпляров его труда. Затеянный в отношении Бильбао судебный процесс придал ему ореол мученика. Во время процесса его поддержали либералы, а его отец заявил, что готов сесть на одну скамью подсудимых со своим сыном. Суд приговорил Бильбао к уплате штрафа либо, за неимением средств, к тюремному заключению. Либеральная молодежь, сочувствующая осужденному, тут же в зале заседаний собрала нужную сумму и триумфально вынесла Бильбао из здания суда на руках. Поражение в суде обернулось победой. Однако церковники возбуждали народ против него, и Бильбао предпочел покинуть страну.

В начале 1845 г. Бильбао прибыл в Париж. По материнской линии он был наполовину француз и хорошо говорил по-французски, что значительно облегчило его жизнь в Европе. Бильбао был одним из немногих латиноамериканцев, оказавшихся в самой гуще интеллектуальной жизни Франции. Он свел знакомство с известными политиками и мыслителями-республиканцами, которые стояли у истоков революции 1848 г., посещал лекции А.Д.Лакордера (бывшего сподвижника Ламеннэ, лидера так называемых «католиков-либералов») в Нотр-Дам, слушал проповеди самого Ламеннэ, был вхож в клубы республиканцев, свел знакомство с утопистом Пьером Леру и либеральным философом и историком Виктором Кузеном. Огромное влияние на него оказала личная встреча с Ламеннэ, которого он воспринимал как живого пророка, воплощение современной святости. В свою очередь и Бильбао произвел очень хорошее впечатление на бывшего аббата, тот стал называть его своим сыном и предрекал ему апостолическую миссию «со словом правды» в Южной Америке⁴. Верность дружбе с Ламеннэ, почитание его имени и идей Бильбао пронес через всю жизнь.

Бильбао сдружился также с Эдгаром Кинэ. Мадам Кинэ в своих мемуарах отмечала, что Бильбао был главной нитью, связывавшей их с далеким и загадочным континентом. Кинэ познакомился с рукописной работой Бильбао «Чилийские нравы» и пришел в такой восторг, что даже включил выдержки из нее в свой курс истории, который читал студентам. В своей книге «Христианство и французская революция» Кинэ писал о работе Бильбао: «Это — явление нового слова, и вызывает удивление, что в бескрайних просторах Пампы рождаются такие идеи и книги»⁶. Кинэ называл Бильбао Вашингтоном Южной Америки. Дружба с Кинэ продлилась многие годы. Бильбао также познакомился и сдружился с эмигрантами-демократами Адамом Мицкевичем и Лайошом Кошутом.

Бильбао много путешествовал: побывал в Праге, Вене, Мюнхене, Риме. Перед его поездкой в Милан Мишле дал ему рекомендательные письма к известному итальянскому писателю Алессандро Манциони. На него (так же как и на находившегося тогда в Париже Э.Эчеверриа) оказал большое

влияние П.Леру. В результате Бильбао увлекся утопическими построениями Сен-Симона, но это было временным наваждением. Впоследствии он критически отзывался о социалистах-утопистах⁷. Но тогда он сотрудничал в «Независимом журнале», основанном в 1841 г. П.Леру и Ж.Санд. Его статьи пользовались популярностью среди республиканцев.

Главное дело Бильбао тех лет — это общая с Ламеннэ идейная борьба против клерикализма, за свободу мысли и совести, за равенство людей, за новое христианство. В 1846 г. он перевел на испанский язык Еван-

гелие, но не с греческого оригинала и не с латыни, а с французского перевода Ламеннэ. Сам же написал предисловие к переводу: «Сейчас свобода борется каждый день в политике и в религии — равенство нуждается в человеческом достоинстве, братство возрождается в живительном потоке, из которого возникает новая жизнь!»*. Он предчувствовал новую революцию, искренне желал ее прихода. Однако после радостных февральских дней наступило глубокое разочарование: Франция не дала примера братской любви, равенства и абсолютной свободы.

Революция 1848 г., в которой сочетались различные политические элементы — либерализм, социально-христианские доктрины и утопический социализм, — оказала решающее влияние на дальнейшую идейную эволюцию Бильбао в направлении социальной утопии эгалитарного по своей сути республиканизма. Откликаясь на огромный интерес в Чили к событиям во Франции, Бильбао отправил в Сантьяго для публикации свой перевод работы Виктора Конзидеранта «Краткое описание системы фаланстеров Фурье». Чилийская либеральная молодежь отдала дань увлечением утопическими теориями. В ответ на эту волну интереса чилийская католическая пресса объявила Фурье и Сен-Симона шарлатанами и лжепророками⁸.

Разгром июньского восстания в Париже и наступление бонапартистской контрреволюции вызвали у Бильбао острый духовный кризис. В послереволюционные дни он писал А.Бельо: «Будни здесь очень печальны: анархия взглядов и принципов; аморальность во всем; множество сект, борющихся друг с другом... Царство денег, подлый эгоизм; коррупция, проникшая во все сферы жизни, в самое святое... Презрение и бессилие среднего класса. Блеск и нищета!»⁹. Много лет спустя в своей работе «Америка в опасности» он подчеркивал, что «революция 1848 г. руководствовалась самыми справедливыми принципами, но

* F.B i l b a o. Obras completas, t. 1. Buenos Aires, 1865, p. 77. Далее ссылки на это издание будут включены в текст статьи.

рухнула в бездну из-за неспособности ее социалистических лидеров, по сути демагогов, довести борьбу до конца, они были не в состоянии разоблачить подлость и предательство крупной буржуазии» (т. 2, р. 192).

Разочарованный и уставший от бедности Бильбао с удовольствием принимает предложение новых властей Чили поступить на госслужбу. 12 февраля 1850 г. он прибыл в Вальпараисо. Если в 1844 г. он уезжал героем, молодым бунтарем против церковников и пелуконов, то шесть лет спустя он вернулся уже признанным лидером радикальной молодежи, нового поколения либералов, ставших главными действующими лицами «чилийского 48 года». По просьбе друга и сподвижника Сантьяго Аркоса* он возглавил «Общество равенства», стал его главным идеологом и руководителем.

После европейской революции 1848 г. в Чили большой популярностью пользовались работы утопической направленности. Труды Сен-Симона, Прудона и Блана уже не были новинкой, а Фурье был широко известен в Чили с середины 40-х годов¹⁰. В 1848 г. в Вальпараисо вышла брошюра Л.Блана «Социализм, деньги и труд». К 50-м годам имена Ламеннэ, Сен-Симона, Фурье, Блана стали синонимами восстаний, революций, подрыва христианской морали.

Бильбао считал своей главной задачей распространение взглядов Ламеннэ. В выпусках от 23—26 апреля 1850 г. «Amigo del Pueblo» («Друг народа») был напечатан перевод «Слова верующего» Ламеннэ, сделанный его верным последователем Бильбао. Эта публикация вызвала бурю негодования в католических и консервативных кругах. «Revista Católica» разразилась гневными филиппиками и призвала паству и власти расправиться с «богохульниками». Брошенную перчатку подхватил Ластарриа, ответивший резким антикатолическим памфлетом. Дискуссия вышла за рамки салонов и газет, выплеснулась на улицу, где клерикально настроенные народные массы угрожали расправой молодым либералам. В ответ на нападки прессы Бильбао написал новую работу «Бюллетени духа» в стиле Ламеннэ¹¹.

Эти события спровоцировали кризис в самом «Обществе равенства». Часть его членов потребовала исключения своего вождя Бильбао, но заступничество авторитетного Аркоса и поддержавших его ремесленников лишь укрепило лидерство ученика Ламеннэ. И тем не менее было решено приостановить издание «Amigo del pueblo». Вскоре стал выходить новый орган общества газета «La Barra» («Прут»), которая продолжила прежнюю линию. На ее страницах Бильбао издал «Бюллетени духа» того же Ламеннэ. Эту публикацию архиепископ Сантьяго осудил в специальном пасторском послании, грозя отлучением всем, кто поддастся соблазну этого учения. Конфликт консервативно-клерикальных властей с «Обществом равенства» нарастал и закончился насильственным роспуском общества и восстанием игуалитариев в Сан-Фелипе в Аконкагуа, а затем и гражданской

* См. статью А.А.Щелчкова «Сантьяго Аркос — чилийский либерал и романтик в журнале «Латинская Америка», 2007, № 7, с. 85—95.

войной (1851 г.). Когда правительство закрыло «Общество равенства», то игуалитарии во главе с Бильбао даже попытались возвести в Сантьяго баррикады на парижский манер. Б.Викунья Маккенна иронически описал, как под руководством Бильбао баррикада была построена из мешков с орехами. Разгром «Общества равенства» и поражение либералов в гражданской войне вынудили Бильбао вновь покинуть родину, и на этот раз навсегда.

В Лиме Бильбао обратился к С.Аркусу с «Посланием изгнанника», в котором об объявлял, что борьба не будет прекращена, «пока на нашей благословенной земле не воцарятся справедливость и Святое равенство»¹². Однако вместо ожидаемого анализа событий 1850—1851 гг. Бильбао ограничился повторением постулатов, почерпнутых у Ламеннэ. В память об умершем друге (Ламеннэ скончался в 1854 г.) Бильбао опубликовал большую работу «Ламеннэ как представитель дуализма современной цивилизации», в которой называл своего учителя не иначе как «Вольтером своего времени»¹³.

В этих работах Бильбао подверг резкой критике перуанское правительство за нежелание отменить рабство. Президент Перу Х.Р.Эченике за призывы к освобождению рабов приказал арестовать и депортировать Бильбао. Уже находясь в Гуаякиле (Эквадор), Бильбао получил известие, что его отец арестован в Лиме за симпатии к генералу Р.Кастилье, который восстал против Эченике. Бильбао тайно вернулся в Лиму и принял участие в свержении Эченике, в частности в штурме тюрьмы Сан-Пабло, где был заключен его отец. После победы революции, упоенный надеждами на реформы, Бильбао опубликовал одну из своих значительных работ «Правительство свободы» (1855 г.), в которой предложил принципиально иное политическое устройство, государство прямого народовластия. Однако при новой власти Бильбао вновь был арестован за богохульство и посажен в старую тюрьму инквизиции. На этот раз после вмешательства президента его отпустили, но он не захотел более оставаться в Перу и уехал в Европу.

В Старом Свете Бильбао пробыл недолго. В первую очередь посетил могилу Ламеннэ, затем встретился со старыми друзьями, которых осталось во Франции немного. Режим Луи-Наполеона изгнал из страны многих из них — Кинэ, Ламартина и др. В апреле 1857 г. он вернулся в Южную Америку и поселился в Буэнос-Айресе. В Аргентине он встал на сторону консерватора Х.Х.Уркисы, став врагом своих прежних товарищей: Сармьенто, Митре, и даже поддерживавшего их Аркоса. Однако взглядам своим не изменил, оставаясь радикальным антиклерикалом и революционером-республиканцем. Такое противоречие было вполне в духе Бильбао. В 1857 г. он создал «Журнал Нового света», в котором продолжил пропаганду антиклерикальных и либеральных идей Ламеннэ. Тогда же, вопреки взглядам своего учителя, вступил в масонскую ложу «Союз Ла-Платы», что было в те годы типичным поступком либералов. В 1858 г. стал инициатором создания кружка либералов-изгнанников из Парагвая «Парагвайский клич», впоследствии поддержавшего войну

Аргентины и Бразилии с этим государством¹⁴. В те годы было опубликовано большинство работ Бильбао. Это был самый продуктивный период в его жизни.

В 1865 г. он заболел. Умирал медленно и мучительно. Перед смертью написал прощальное письмо Кинэ. 19 февраля в присутствии Х.В.Ластарриа и брата Мануэля он скончался. В свои последние мгновения он произнес имена своих учителей Кинэ и Мишле, повторил по-французски предсмертные слова Ламеннэ: «Вот этот прекрасный момент!»¹⁵.

Жизнь Бильбао была богата событиями и свершениями. Его идейное наследие поставило его в один ряд с выдающимися мыслителями континента XIX в. Исторические взгляды Бильбао были сформированы под влиянием его учителей: Ластарриа, Кинэ, Мишле. В работе «Закон истории» он определил три исторические эпохи Испанской Америки: открытие и Конкиста; Война за независимость; формирование национальных государств (t. 1, p. 159). Вслед за Ластарриа Бильбао явился одним из родоначальников «черной легенды» испанской конкисты в чилийской историографии. Он утверждал, что испанцы только убивали и грабили. Что дало испанское завоевание? — вопрошал Бильбао. Ответ был лаконичен: деспотизм, отсталость, коррупция, нищета и лакейство народа (t. 2, p. 202). В «Американском евангелии» он писал, что проблема состояла не в Конкисте как таковой, не в завоевании европейцами Южной Америки, а в том, что это была испанская Конкиста, в результате которой на континенте были насаждены феодализм, монархия и католицизм, отягощенные фанатизмом масс (t. 2, p. 337—338). Задача южноамериканских народов — решительная деиспанизация, что в устах Бильбао означало, прежде всего, ликвидацию пережитков средневековья, феодализма и католицизма (t. 1, p. 12).

Яростная антииспанская риторика, поднятая на высоту мистического противостояния испанской расы всему прогрессивному и передовому, спровоцировала ответ известного испанского либерала, президента Первой испанской республики Эмилио Кастелара, который издал статьи с критикой теории Бильбао. Бильбао принял удар и опубликовал ответ Кастелару в буэнос-айресской газете «El Pueblo» («Народ»), что, в свою очередь, вызвало отклик в других странах региона, в частности, известного мексиканского политика Игнасио Рамиреса, поддержавшего чилийца.

Бильбао настаивал на том, что если Кастелар считал себя республиканцем, то он должен осудить Конкисту, осудить всю историю Испании — страны, которую он называл палачом свободы и мысли. Кастелар отвечал: Испания дала Америке свою кровь, а Бильбао парировал: эта кровь течет лишь у меньшинства. Кастелар: Испания населила и цивилизовала континент. Бильбао: испанцы уничтожили местное население, а Америка обезлюдела после Конкисты. Кастелар: испанский народ не несет ответственности за средневековые эксцессы. Бильбао: испанцы всегда поддерживали свое правительство в его американской политике¹⁶.

Первым шагом в освобождении от тягостного наследия испанской колониальной системы, по мнению Бильбао, явилась «великая Война за не-

зависимость». Корни этой войны он видел в просветительстве XVIII в. Свобода, равенство, братство были принципами «века просвещения» и французской революции, посеявшие семена свободы и независимости в Южной Америке. «Наше прошлое вышло из средневековья, из Испании. Наша революция принадлежит новой эпохе в истории Европы, начавшейся во Франции с ее великой революцией» (t. 1, p. 17). Однако благами независимости воспользовалось лишь незначительное меньшинство чилийцев.

Бильбао, давая оценку Войне за независимость, называл ее незавершенной революцией, ибо она остановилась на полпути, оставив в нетронутom виде господство католической церкви и феодальную по своей природе земельную собственность (t. 1, p. 14—24). Героям революции, таким, как О'Хиггинсу, не удалось полностью разрушить «старый порядок». «Продолжение традиции революции означает совершить еще одну революцию», — заключал Бильбао (t. 1, p. 25). Реакция в Чили опирается на темные массы, на католическую церковь. С помощью церкви сохранилось старое варварское испанское законодательство и рабство крестьян-инкилино. Бильбао в отличие от Аркоса верил в революционную силу либеральной партии, которая укрепила свои позиции за счет массового притока молодежи. Он был убежден, что либералы продолжат революцию (t. 1, p. 37).

Главным врагом прогресса и свободы для Бильбао была католическая церковь. Он постоянно цитировал фразу Ламеннэ: «Свобода и католичество несовместимы» (t. 2, p. 198). В «Чилийских нравах» Бильбао описывал «генезис» католической церкви: языческий мир Рима пал под ударами варваров, а среди них и расцвел католицизм. Следовательно, католическая церковь — это порождение варварства (t. 1, p. 5). Церковь требует покориться, ибо все от Бога, а значит, католичество — это идеология рабства. «Нет сомнения, — продолжал Бильбао, — что христианство было наивысшим достижением в сфере религии, во имя освобождения человека и человечества, однако католицизм является по сути реакционным, он привнес символизм и пустые, жесткие формулы, вызвал к жизни явления, чуждые первоначальной чистоте учения Иисуса» (t. 1, p. 10). Для Бильбао церковь являлась врагом всего доброго и прогрессивного: «Католицизм — это террор, идолопоклонство, торжество падшего над духом свободы». Только протестантизм и французская революция спасли человечество от гибели (t. 1, p. 110). Он считал апостола Павла основоположником неравенства и деспотизма в церкви: «Павел закабалил женщин, создал церковь аристократии, а Христос проповедовал религиозную демократию» (t. 1, p. 10). Единственный способ избавиться от «мертвящей» силы католической церкви, согласно Бильбао, это — просвещение и политические реформы, главная из которых отделение церкви от государства (t. 1, p. 111; t. 2, p. 427).

Бильбао не верил в способность церкви перестроиться в соответствии с потребностями нового века. Он разоблачал попытки неокатоличества перенять некоторые тезисы либералов, чтобы с их помощью перебраться в

грядущий век, сохранив свою средневековую сущность. Бильбао называл это «уловками современного язычества» (t. 2, p. 433). Он громогласно заявлял: католическая церковь — антихристианская, в ней не осталось духа Евангелия (t. 1, p. 202).

Новая религия Бильбао была близка протестантизму. Оплотом протестантизма и республиканизма, противодействующих старой феодально-монархической Европе, для Бильбао были США. После поражения Второй французской республики 1848 г. Бильбао стал противопоставлять Старый, католический и монархический свет Новому, республиканскому, Европу — Америке. Европа была унитарной, США — федеральным устройством, что, по его мнению, ограничивало деспотизм и гарантировало свободу и равновесие властей (t. 2, p. 387). США были альтернативой Риму и всему Старому свету. Если в годы подъема революций в Европе Бильбао — вслед за Ламеннэ — считал, что латинским нациям предстоит миссия освобождения мира, а Южная Америка должна стать альтернативой милосердного братства и солидарности перед лицом северной холодной англосаксонской расы, то после бонапартистской реакции он разочаровался в Европе и стал возлагать все надежды на США. В работе «Америка в опасности», которую он, кстати, посвятил Кинэ и Мишле, Бильбао писал: «В старой Европе народы, силы которых подорваны индустриализмом, парализованы индифферентностью; уставшие от торжества зла, они повернулись спиной к высшему идеалу, любви, долгу, справедливости, думая лишь о золоте». Для Бильбао Америка стала бастионом республиканизма и рационализма (t. 2, p. 175—186).

Взамен католицизма, этой религии чуда, таинства и символов, Бильбао предлагал новую «научную», рационалистическую религию христианского братства, современным апостолом которой был Ламеннэ. «Ламеннэ был Словом!» (t. 1, p. 98). Бильбао отрицал основные догматы христианства, саму сущность религии: он не верил в божественную природу Христа, первородный грех и пр. При этом, как всякий романтик, был глубоко религиозен, о чем свидетельствует его работа «Святая Роза Лимская», написанная в пылу спора с перуанским поэтом Хуаном де лос Эросом о религиозном идеале. Для Бильбао свобода была Богом (t. 1, p. 38). Бильбао критиковал и своего учителя Ламеннэ за то, что тот остановился на полпути и не развенчал основные догматы веры, не подверг их критике согласно критериям универсального разума, который был для него точкой отсчета новой «научной религии» (t. 1, p. 37, 103).

Ламеннэ, в отличие от Бильбао, остался христианином, хотя и восстал против церкви. Шатобриан писал о нем: «Сколько бы ни противился господин де Ламеннэ, идеи его были отлиты в религиозной форме; форма осталась христианской, хотя суть отходит от догматов христианства все дальше и дальше; в речах его слышен отзвук голосов неба»¹⁷. Бильбао отрицал сами основы христианской веры, он предлагал заменить ее всеобщей религией разума, что по сути было стыдливой формой материализма. Он писал: «Анализировать — это означает отрицать веру и жить по личному рассуждению» (t. 1, p. 19).

Чилийский просветитель был духовным сыном не только Ламеннэ, но и Руссо, пытаясь совместить религиозность и рационализм. Его идеалом было раннее христианство, где евангельский дух был непосредственно связан с демократией и свободой. В работе «Воскрешение Евангелия» (1853) он писал: «Есть иная церковь, в которой живет дух Евангелия. Эта церковь состоит из сынов мысли, чье слово распространяется по всей земле. Это — философия, демократия, милосердие в науке, милосердие в промышленности, милосердие в политике, которые создают свободных людей, связанных узами братства и солидарности» (t. 1, p. 202). И в то же время он критически отзывался о «деспотических утопиях» — так он называл фурийеризм, сен-симонизм, коммунизм — «открывающих новые догмы или новые религии, ибо нет ни новых догм, ни новой религии, а есть лишь вечная догма справедливости и милосердия» (t. 2, p. 187). Высмеивая эти утопии, Бильбао предлагал свою: рационализм, или, как говорил он, «научная религия», возводилась в ранг веры, догматами которой были всего лишь либеральные политические принципы свободы и демократии. Антикапиталистическая риторика Бильбао, его призывы к созданию новой веры, новой утопии были поддержаны многими выдающимися умами того времени. Просветитель и утопист Симон Родригес обращался к нему в письме (1848): «Вы пропагандируете идеи высшей степени важности. Однако так мало людей, способных их понять: одни видят только конкретную для себя выгоду, а другие находят их подрывными... Вас будут преследовать за ваши идеи!»¹⁸. Слова Родригеса предсказали сложную судьбу Бильбао, который до конца жизни остался верен своим идеям, за которые действительно, подвергся гонениям со стороны клерикалов и церкви. Аргентинский католический памфлетист Хосе Мануэль Эстрада обвинил Бильбао в скрытом коммунизме. Он писал, что в рационализме Бильбао проступает зародыш тирании, от которой рождаются анархия, социализм и коммунизм. Стойкий антикатолицизм в глазах клерикалов сделал Бильбао адептом социализма. Долгие годы и левые, и правые упорно называли его социалистом и коммунистом, каковым он по существу никогда не был.

Большое место в идейном наследии Бильбао занимают его общественно-политические построения и концепции, его собственная социальная утопия. Бильбао придерживался ортодоксальных либеральных взглядов на экономическую деятельность. Он, как и другие романтикутописты Эчеверриа или Аркос, был адептом либеральных принципов, которые, по их мнению, должны были привести к всеобщему благоденствию. Такая позиция в середине XIX в. считалась революционной¹⁹. Панацеей от бедности и стремительного расслоения общества в ходе капиталистического развития, на его взгляд, были организация общедоступного кредита и экономическая свобода. Однако его беспокоил тот факт, что при республиканской форме правления и в условиях свободы усугублялась бедность, рост пролетариата в городах, увеличивалась пропасть между рабочими и капиталом.

Бильбао живописал страдания пролетариата: монотонный и примитивный труд, нищета — вот удел бедных горожан: «Я — пролетарий, раб капитала, раб ростовщиков, раб догматов церкви, и нет мне милосердия!» (t. 1, p.157). Он обличал бесправное положение низов: «Нищета, которая уничтожает и пугает, неравенство угнетает, рабство низводит человека в бездну, коррупция только увеличивает пороки, эгоизм и обожествляет невежество» (t. 1, p. 281). Бильбао поддержал лозунг: «Каждому по способностям!». У проблемы труда две составляющие: рабочие и капиталисты. Может ли рабочий быть свободным по отношению к капиталисту, если у него нет орудий труда и средств? — вопрошал он. Государство должно обеспечить бедняка кредитом, чтобы он мог начать свое дело и перестал зависеть от капиталиста. Бильбао предлагал решить все социальные проблемы государственным кредитом: «У кого нет капитала или орудий труда, тот — наемный работник, пролетарий. Государство обязано дать ему материальные условия для освобождения, обеспечив его орудиями труда» (t. 1, p. 271, 273). «Цель кредита — это дать возможность трудиться каждому, следовательно, это — отмена ростовщичества, паразитического образа жизни и нищеты». В будущем государстве равенства, по мысли Бильбао, налогообложение также должно вести к уравниванию доходов и возможностей воспроизводства, ибо будет основываться на системе прямых и прогрессивных налогов на капитал или доходы (t. 1, p. 272).

Бильбао рисовал картину общества будущего, в котором не должно быть капиталистов и пролетариев, помещиков и инкилино. Он предлагал передать колонизуемые земли бедным крестьянам, а не европейским иммигрантам, и тогда тысячи нищих сограждан смогут стать собственниками и производителями товаров (t. 2, p. 336). Америка станет, по мысли Бильбао, колыбелью будущего государства равенства и свободы, в котором человек станет «суверенным в своем труде, то есть он не подвергнется эксплуатации капиталом, а сможет пользоваться общественным кредитом под поручительство ассоциации трудящихся» (t. 2, p. 439). Таким образом, будут достигнуты свобода в равенстве и равенство в свободе.

Бильбао рассматривал свободу и равенство как абсолютные, метафизические понятия, почти религиозного наполнения. Он писал, что существует равенство телесное всех и каждого, духовное и умственное, но свобода — это социальное равенство, подкрепленное суверенитетом всего народа: «Свобода бесконечна, за ней следует равенство, которое также не имеет границ, кроме самой свободы, и они — мост к счастью и абсолютному добру» (t. 1, p. 23—24). Свобода без равенства, по Бильбао, — это привилегия. Равенство без свободы — это уравнивание в рабстве. Если свобода и равенство — понятия метафизические и абсолютные, то неравенство — временное и относительное: «Неравенство необходимо, неравенство — это часть закона жизни и природы, разделение и антагонизм классов — это абсолютный факт, а вот вечное существование нищеты и невежества — это навязанное неестественное состояние» (t. 1, p. 277). Учитель Бильбао Ла-

меннэ отрицал абсолютное равенство, ибо оно порождало деспотизм и рабство. Он считал, что материальное равенство, достигнутое посредством простого передела имущества, недолговечно²⁰. Бильбао шел за своим учителем и искал примирения противоречий между равенством и свободой с имущественным неравенством и природным различием людей. Путь к этому лежал через братство и солидарность «целостного человека», которого еще предстоит создать. Это будет одновременно труженик, мыслитель, священник, артист, рабочий и поэт. Прийти же к этому можно лишь через братство и ассоциацию свободных и равных, «целостных людей».

Бильбао утверждал свои максимы: «Добро — это свобода. Закон добра — это равенство. Зло — это узурпация или неравенство. Закон зла — это неравенство или привилегия. Свобода — это право, равенство — это долг, а братство — это их соединение» (t. 1, p. 243—244). Мыслитель следовал завету Ламеннэ: «Подлинное справедливое общество основано на естественном равенстве людей, что является ни чем иным как организацией братства»²¹. Братство и свобода у Бильбао становились почти религиозными понятиями. Свобода — это Бог в человеке (t. 1, p. 203), — писал он. И далее: «Социальная данность так же осязаема, как существование тела в пространстве. Ее идея — это равенство свободы. Это — рай, царство Божие на земле, а равенство в свободе — это универсальная религия, это будущее правительство «единого человечества» (t. 1, p. 23—24). Свою мысль он подкреплял обращением к евангельским заповедям, ибо «равенство — это неизмеримая глубина божественности, а братство — это братство и другого слова нет» (t. 1, p. 224). Постулаты французской революции у Бильбао возведены в абсолют, вплоть до религиозного обожествления. Достижение же этих идеалов возможно лишь в общине, в ассоциации. Бильбао утверждал, что идеал революции, которую он ждал и готовил, — свобода и солидарность. «Солидарность — это взаимность права и жизни, общность долга и братства. Это и есть идея революции» (t. 2, p. 447).

Путь к братству лежал через просвещение и революцию во имя свободы. Бильбао предлагал после свершения этой революции и политического переустройства общества создать новые «институты братства», которые смогут поддержать действие священных принципов равенства и братства в обыденной жизни. По его мнению, следует создать следующие институты: библиотеки в деревнях и городах, сберегательные кассы, дома отдыха и убежища для стариков, больницы, дома инвалидов, дома призрения, крестьянские мастерские для безработных, учреждения гигиены в деревнях (t. 1, p. 274). Тогда государство станет социальным, позволит обществу осуществить идеалы равенства и братства. Такое государство будет гарантией демократии и суверенитета народа.

Братство и свобода, по Бильбао, составляли основу суверенитета народа, который и обеспечивал функционирование подлинной демократии. Просветитель отмечал, что все — и либерал, и каудильо, и священник — декларировали суверенитет народа, оставляя ему вместо власти страдания

и нищету (t. 1, p. 278). Он отвергал принцип делегирования суверенных прав нации властям, называя это рабством и самодержавием привилегированных, ибо личность переставала быть субъектом, когда делегировала часть своей сущности, то есть лишалась свободы (t. 1, p. 247—253). Бильбао делал вывод: только прямое народовластие — единственная подлинная демократия. Эту тему Бильбао развил в одной из самых значительных своих работ «Правительство свободы», написанной в Лиме в 1855 г. в форме обращения к избирателям накануне выборов в Учредительное собрание. В ней Бильбао представил собственную утопию, образ нового государства народной демократии; подробно описал механизмы власти, политические структуры и общественные институты его идеального государства. Начиналась работа постулатом о том, что в современном мире могли существовать лишь две политические системы: либо царизм и государство-чудовище, либо прямое правление народа (t. 1, p. 234). Он отвергал парламентский порядок, когда депутаты не могли быть отозваны избирателями, пользовались неприкосновенностью. Он считал, что необходимо осуществление «прямого и постоянного суверенитета народа, что является единственной формой свободы» (t. 1, p. 248).

Форма управления — это организация постоянного выражения и обмена мнениями, гарантии свободы слова. Орган власти — это «трибунал народа, способ самовыражения суверенитета и представительного правительства». Народ должен непосредственно принимать все законы и сам же их выполнять. Орган такой власти — трибунал с императивным мандатом, обладающий правом инициативы и подготовки всех законов, он предоставляет народу право на все решения. Трибунов (членов трибунала) можно отзывать, переизбирать всех сразу или выборочно, как того захотят граждане. Страна делится на территориальные секторы, которые имеют свои трибуналы и министерства, управляющие делами секторов (t. 1, p. 255). Эти секторы принимают местные законы всеобщим голосованием, общенациональные законопроекты становятся законом после одобрения всеми секторами и общенационального голосования (референдума). «Это будет полное народовластие», — заключал Бильбао. Трибуналы народа должны состоять из 100 граждан, но их число может меняться. Любой из них может отзываться по желанию народа. Трибунал создает специальные (отраслевые) комиссии-секции: финансовую, юстиции, военную, полицейскую, просвещения, аграрную, а объединять их деятельность должен исполком. Все трибуны могли отзываться по желанию народа. Трибунал должен был состоять из специальных (отраслевых) комиссий-секций: финансовой, юстиции, военной, полиции, просвещения, аграрной, а объединял бы их деятельность исполком. Трибунал будет назначать судей, которые тоже могут быть отозваны. Их мандат ограничен. Они не профессионалы, это судьи из народа. Страна становилась федерацией секций со своими трибуналами. Раз в месяц все граждане должны собираться в специальных местах, где законопроекты обсуждались, а затем по ним шло голосование (t. 1, p. 258). Вся эта схема Бильбао напоминает структуру «советской власти» по

Ленину. Да и вывод Бильбао делал подобный ленинскому: «Так исчезнут антагонизм и разделение властей». Власть исполнительная и законодательная становились единым целым (t. 1, p. 257).

Кардинальной реформе должна подвергнуться армия. Ограниченная численностью в 1000 человек, она будет находиться под контролем общенационального трибуната. По сути — это армия трудящихся. Ее функции — защита свободы (главная), а также воспитание, образование трудящихся, которые после пяти лет службы возвращались бы к гражданской жизни. Никаких профессиональных военных не должно быть, а «армия трудящихся могла бы использоваться при строительстве дорог, мостов, портов, доков, каналов, ирригационных сооружений, в рубке леса и т.д.» (t. 1, p. 265). Каждый батальон такой армии, — писал Бильбао, — это школа труда.

Новая республика должна была гарантировать бесплатное и обязательное образование, а также обеспечить всех граждан социальным, государственным кредитом, что сразу бы ликвидировало бедность. Церковь, наконец-то, будет отделена от государства. «Правительство свободы, — подводил итог Бильбао, — это богатство и свободы» (t. 1, p. 279—280). Самоуправление являлось для него принципиальным положением любой прогрессивной программы. «Божественная свобода — это справедливость, а человеческая свобода — это самоуправление» (t. 1, p. 85). Позднее в работе «Американское Евангелие» он даже придумал этому особый термин — «номократия» (t. 2, p. 322).

В утопическом обществе Бильбао впервые была предложена система прямого народовластия. Эта система вдохновлялась опытом греческого полиса, но в основу функционирования были положены идеи ассоциации и социальной солидарности. Этот проект ставит Бильбао в один ряд с выдающимися утопистами XIX в. Его дар и значение его идей сумел оценить Симон Родригес, предрекавший ему судьбу непонятого пророка. Он советовал: «Не старайтесь убедить, объединить людей вашими идеями. Высказывайтесь, но не спорьте — это бесполезно»²².

Бильбао был ярким представителем романтического периода либерализма. Его социальная утопия, идеи ассоциации и солидарности оказали большое влияние на общественную атмосферу в Чили. Бильбао фактически создал предпосылки появления в стране новых политических сил, которые пошли дальше либеральной ортодоксии. Радикалы и социалисты различных мастей почитают его одним из своих предшественников. В памяти народа имя Бильбао ассоциируется с образом народного заступника, мечтателя, социалиста. В 1875 г. во время митингов, устраиваемых Викуньей Маккенной в ходе своей президентской кампании, звучали здравицы в честь социалиста Ф.Бильбао и «великого социалиста Ламеннэ». Наследницей «Общества равенства» и его безусловного лидера была созданная в 1898 г. «Рабочая партия» имени Бильбао. Его имя начертали на свих знаменах чилийские социалисты. Деятельность и идейное наследие Бильбао способствовали разрушению консервативного режима и победе либерально-позитивистских течений в общественной мысли и историографии Чили во второй половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ P.P.Figueroa. Diccionario biográfico de Chile, t. 1. Santiago de Chile, 1897, p. 223.
- ² G.Fernández Meriggió. Francisco Bilbao. Héroe romántico de América. Valparaíso, 1998, p. 48.
- ³ C.Gazmuri. El «48» chileno. Igualitarios, reformistas, radicales, masones y bomberos. Santiago, 1999, p. 40.
- ⁴ P.P.Figueroa. Op. cit., p. 224.
- ⁵ G.Fernández Meriggió. Op.cit., p. 113.
- ⁶ P.P.Figueroa. Op. cit., p. 229.
- ⁷ G.Fernández Meriggió. Op. cit., p. 127.
- ⁸ C.Gazmuri. Op. cit., p. 71.
- ⁹ S.Lipp. Three Chilean Thinkers. Waterloo — Ontario, 1975, p. 20.
- ¹⁰ Переводы трудов Фурье, сделанные Франсиско Бильбао, были опубликованы в либеральном журнале «El Progreso».
- ¹¹ S.Lipp. Op. cit., p. 22.
- ¹² F.Bilbao. Revolución en Chile y los mensajes del proscrito. Lima, 1853, p. 3.
- ¹³ F.Bilbao. Lamennais como representante del dualismo de la civilización moderna. París, 1856, p. 26.
- ¹⁴ J.Sepúlveda Rondanelli. Francisco Bilbao. Precursor del socialismo. Bosquejo de su vida, de sus obras y de su tiempo. Santiago de Chile, 1971, p. 93—95.
- ¹⁵ P.N.Cruz. Bilbao y Lastarria. Santiago de Chile, 1944, p. 72.
- ¹⁶ S.Lipp. Op. cit., p. 50.
- ¹⁷ Ф.П.Шатобриан. Замогильные записки. М., 1995, с. 591.
- ¹⁸ Archivo Nacional de Chile. Archivo Fernández Larraín, vol. 52, F. 46.
- ¹⁹ Р.НерIQUEZ Урeña. Las corrientes literarias en la América Hispánica. México, 1954, p. 122.
- ²⁰ Ф.П.Шатобриан. Указ. соч., с. 590.
- ²¹ Цит. по: G.Fernández Meriggió. Op. cit., p. 49.
- ²² Archivo Nacional de Chile.